

Д.Б. Аманжолова¹, А.Т. Каиржанова², Е.А. Юрина³

¹Astana IT University, Астана, 010000, Казахстан

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, 050040, Казахстан

³Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, 117485, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ШОКАНА УАЛИХАНОВА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале повести Сапаргали Бегалина)

Данная статья посвящена специфике художественного образа Шокана Уалиханова в детской литературе на материале повести Сапаргали Бегалина. Исследования, посвященные Бегалину, затрагивают его вклад в развитие детской литературы, но вопрос о персоналии его героев остается актуальным.

Цель статьи заключается в анализе языковых средств, с помощью которых формируется образ Шокана в ранние годы, его детское мировосприятие, что занимает центральное место в репрезентации образа ребенка в данной повести и в детской литературе в целом.

В рамках исследования применяются нарратологический анализ, лингвостилистический анализ, герменевтический подход к анализу текста. Подчеркивается важность использования данной повести на уроках в основной школе. Делается вывод о значимости литературного наследия Бегалина в популяризации личности Шокана Уалиханова среди детей и подростков.

Ключевые слова: Шокан Уалиханов, детская литература, Сапаргали Бегалин, художественный образ, детское мировосприятие.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Детская литература через художественные образы, доступные сюжеты и эмоциональное вовлечение формирует у читателей чувство сопричастности к истории своей страны. Одним из наиболее значимых средств формирования исторической памяти у детей становится обращение к реальным личностям и событиям. В этом контексте особое место занимает жанр биографии, адаптированный для юного читателя.

К осмыслению специфики биографического жанра обращались в своих трудах многие видные ученые (Ю. Лотман, М. Бахтин, А. Холиков и др.). Исследователь О.С. Октябрьская произведения в жанре биографии относит к разновидности повести (романа) воспитания. По ее мнению, «авторы подобных книг останавливаются на разных этапах воспитания будущих героев, подробно демонстрируют шкалу их нравственных ценностей и принципы её формирования» [1, 68].

Интерес к данному жанру, как показывает анализ детской и подростково-юношеской литературы, заметно активизировался во второй половине XX века, когда акцент смещается с назидательности на вдохновляющие и лично ориентированные образы. Именно в этот период появляется повесть Сапаргали Бегалина «Шокан асулары» [2], изданная в 1971 году на казахском языке. В переводе на русский язык повесть получила название «Чокан Уалиханов» (1976) [3].

Повесть С. Бегалина представляет собой яркий пример романизированной биографии, адаптированной для детской аудитории. В этом произведении прослеживаются ключевые черты жанра: опора на реальные исторические факты, внимание к внутреннему миру героя (сначала ребенка, позже – юноши), акцент на его интеллектуальном и нравственном становлении. Через образ Шокана автор знакомит читателя с важной страницей истории

Казахстана, предлагает образец для подражания, формируя тем самым интерес к собственной культуре и истории.

ВВЕДЕНИЕ

Личность и творчество выдающегося ученого Шокана Уалиханова привлекали внимание специалистов разных отраслей наук (географии, лингвистики, истории, краеведения и т.д.). О наиболее ранних исследованиях, посвященных языку и стилю Ш. Уалиханова, подробно представлено в работе профессора О.А. Султаньяева «Слово в контексте» [4]. В данном труде указаны труды писателей и публицистов 50-60-х годов XIX века, таких как А.И. Дубяго, Л.П. Ефремов, А.Х. Мищенко, Г.А. Шелюто и др. [4, 7].

Как показал анализ источников, к творческой биографии Ш. Уалиханова обращались казахстанские литературоведы и лингвисты, историки и писатели, в числе которых Е. Бекмаханов, А.Х. Маргулан, С. Муқанов, М. Ауэзов, А. Алимжанов, Ш. Сарыбаев, А. Кайдар и др. Во многом благодаря им современный читатель осмысливает общественно-политические воззрения ученого, воссоздает его творческий и научный путь.

Одной из первых комплексных биографий Ш. Уалиханова в научной публицистике принято считать работу Х. Айдаровой, в которой, несмотря на отдельные идеологически выдержанные (в соответствии с духом того времени) трактовки личности ученого, проводится анализ становления личности в историко-социальном контексте XIX века [5]. Примечательно, что в данной работе автор использует неизвестные ранее материалы (дневники, письма, служебные записки).

В художественной литературе обращение к исторической личности было «осторожным». Так, первую попытку в 1953 году осуществил известный казахский писатель С. Муқанов, который в период интенсивного изучения жизни и научного наследия ученого и путешественника создает повесть «Чокан Валиханов» и пьесу «Нить Ариадны», а в последующем – масштабный биографический роман «Промелькнувший метеор».

Будучи научным сотрудником Института литературы и языка АН КазССР Сапаргали Бегалин также активно занимается изучением документов, касающихся биографии Шокана Уалиханова. Интерес к личности ученого, его трудам и эпохе становится «культовой» для семьи Бегалиных¹. В 1964 году в издательстве «Жазушы» будет опубликована повесть «Бала Шоқан», которая позже войдет в книгу «Шоқан асулары» и станет первой частью, рассказывающей о семье и детстве Шокана.

Долгие годы С. Бегалин посвятит серьезной исследовательской работе по воссозданию малоизвестных эпизодов детства Шокана Уалиханова, соединив историческую достоверность со своим уникальным художественным стилем. В результате в повести органично соединились поэтичность (лирические описания степи, яркие образы, метафоры и т.д.) и реализм. Во вступительной статье к русскоязычной версии повести Ануар Алимжанов отмечает: «Что же касается предлагаемой юным читателям книги о Чокане Валиханове, то над ней Сапаргали Бегалин длительно работал. Он тщательно изучил эпоху, в которую жил Чокан, изучил труды Чокана, он прекрасно знает быт своего народа» [3, 11].

После опубликования на казахском языке повесть активно переиздавалась, вошла в число рекомендованных к обязательному прочтению (в 90-е годы – к внеклассному). В настоящее время повесть С. Бегалина можно считать классикой детской и юношеской литературы Казахстана.

Профессор Н.Б. Акыш, говоря о роли Сапаргали Бегалина в казахской детской литературе, отмечает актуальность его творчества для современного поколения, поскольку произведения писателя способствуют формированию эстетического чувства у молодого поколения, помогают понять тайны жизни и природы, воспитывают любовь к родной земле и

¹ Сын С.И. Бегалина – известный казахстанский режиссера, снявший художественный фильм о Ш. Уалиханове «Его время придет» (1957).

Отчизне [6]. Данное мнение находит поддержку и у других ученых. Так, например, в работе А.К. Ибрайхановой исследуется использование фольклорных элементов в поэтическом наследии Бегалина, выделяются их художественные особенности в поэмах «Қыран кегі», «Ұр, тоқпақ», «Сырлы қайнар». По мнению автора, характерной особенностью сказок и легенд-поэм, написанных С. Бегалиным для детей, является опора на фольклорные образцы – волшебные и героические сказки, легенды и предания, которые вводятся автором с минимальными изменениями либо дается их литературная обработка [7, 153]. Примечательно, что эта особенность (сопряжение с фольклорной образностью) прослеживается не только в поэтических, но и в прозаических произведениях С. Бегалина. В частности, в повести «Шоқан асулары» органично вводится в контекст повествования легенда о трагичной любви Козы Корпеш и Баян Сулу.

А.К. Ибрайханова также рассматривает историческую составляющую поэтических произведений С. Бегалина, подчеркивая роль поэм в сохранении культурной памяти и воспитании патриотизма у подрастающего поколения. Ученый утверждает, что произведения С. Бегалина представляют собой увлекательные, воспитательные и познавательные художественные образцы, формирующие мировоззрение юных читателей и раскрывающие тайны жизни. Кроме того, исследователь отмечает присутствие «духа эпохи» («өз дәуірінің үні») [7]. Эта особенность прослеживается и в прозе. Так, например, в повести «Шоқан асулары» («Чокан Валиханов») через микромир семьи Шокана Уалиханова писатель передает образ целой эпохи, общественные устои того времени.

В связи с вышесказанным, на наш взгляд, в условиях возросшего интереса к национальной истории, духовным ориентирам и поиску литературных форм, способствующих патриотическому воспитанию, изучение этой повести приобретает особое значение. Анализ художественных средств, с помощью которых автор формирует образ Шокана, позволяет глубже понять, как литература влияет на восприятие исторической личности и развитие мировоззрения юного читателя.

Целью настоящей статьи является выявление и описание языковых средств создания эффекта детского мировосприятия как ключевого инструмента репрезентации образа ребенка в повести Сапаргали Бегалина «Шоқан асулары» («Чокан Валиханов»).

Для достижения цели были решены следующие задачи: а) проанализированы приемы повествования, обеспечивающие восприятие событий глазами ребенка; б) выявлены лексико-стилистические средства, способствующие созданию эффекта детского мировосприятия; в) определена роль фольклорных элементов в художественной репрезентации образа юного Шокана.

Исследование художественных способов репрезентации детского мировосприятия имеет междисциплинарный характер. Для того чтобы определить место повести С. Бегалина в этом научном поле и обосновать актуальность обращения к ней, необходимо обратиться к ключевым работам, в которых осмысливается специфика образа ребенка в литературе.

Феномен детства в гуманитарном знании рассматривается в рамках философских, социологических и культурологических исследований, где детство понимается как продукт исторически переменных дискурсов, институтов и практик воспитания [8; 9].

В литературоведении внимание смещается к тому, **как** детство репрезентируется в тексте: образ ребенка трактуется на пересечении поэтики, идеологии и педагогики. Исследования по западной литературе показывают устойчивые модели детского персонажа (невинность/опыт, «маленький взрослый» и т.д.), «мир детства» как художественную реальность в жанрах от реализма до модернизма [10].

Отдельный блок составляет нарратологическое изучение рассказчика-ребенка и «детской точки зрения». Здесь анализируются функции детского голоса: детское восприятие и взрослое авторское знание, стратегии стилизации речи и внутреннего монолога [11; 12].

Таким образом, последовательное рассмотрение нарративных приемов, лексико-стилистических средств и фольклорных элементов приводит нас к необходимости сформулировать гипотезу, которая состоит в том, что в повести С. Бегалина «Шоқан асулары»

(«Чокан Валиханов») образ главного героя конструируется посредством художественных приемов и языковых средств, позволяющих автору воссоздать детское мировосприятие.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным материалом исследования является произведение Сапаргали Бегалина, написанное в жанре детской биографической повести о становлении личности Шокана Уалиханова. Для анализа привлекались как оригинальный текст на казахском языке («*Бала Шоқан*», 1971), так и русский перевод, выполненный Сатимжаном Санбаевым («Чокан Валиханов», 1976).

Такой двуязычный подход обусловлен несколькими причинами. Во-первых, работа с оригиналом позволяет выявить точные художественные приемы и интертекстуальные элементы, использованные автором. Во-вторых, перевод С. Санбаева отличается высоким качеством и адекватно передает эмоционально-образный строй произведения. Кроме того, нам представляется актуальным включение данного текста (как в оригинале, так и в переводе) в школьные учебники основной школы, что способствовало бы укреплению формированию интереса к биографии Шокана Уалиханова. Написанная художественно, она позволяет юному читателю «узнать себя» в герое: через игры, дружбу, обиды, первые открытия. Такая идентификация вызывает эмоциональную вовлеченность и усиливает воспитательное воздействие текста. Тем самым создается возможность распространения жизненных ценностей персоны, которые из области исторического или культурного факта переходят в сферу личного опыта и воображения читателя.

Для анализа нами были выделены следующие ключевые эпизоды: сцены дружбы с Мысыком, эпизоды с матерью и отцом, участие в охоте, исполнение акына Арстана поэмы о Баян сулу и Козы Корпеш, чтение рукописей («Сундук песен»), обучение у муллы Аубакира.

Для выявления особенностей повествовательной перспективы (от первого или от третьего лица, а также особенностей стилизации детского мировосприятия через повествование от третьего лица) использовался нарратологический (или нарративный) анализ.

С целью выявления средств передачи детского мировосприятия (портретные характеристики, внутренняя речь, несобственно-прямая речь, речевая характеристика и т.д.) в работе применялся лингвостилистический анализ.

Повесть С. Бегалина адресована юному читателю, поэтому автор сознательно выстраивает повествование так, чтобы детский опыт героя стал «мостиком» к восприятию текста современными школьниками. Именно поэтому нами учитывался герменевтический подход к анализу текста для интерпретации авторского замысла и выявления соотношения историзма и художественности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на то, что в казахской литературе к творческой биографии Шокана Уалиханова обращались многие авторы, произведение Сапаргали Бегалина «Шоқан асулары» («Чокан Валиханов») является, на наш взгляд, уникальным. Во-первых, автор впервые в казахской детской литературе создает художественный образ ученого; во-вторых, центральной частью является детство и отрочество героя (писатель видел в ранних годах ключ к будущему пути личности); в-третьих, воспитательная направленность (С. Бегалин показывал пример того, как любознательность и стремление к знаниям могут привести к великой судьбе).

Особенностью проведенного анализа стало обращение не только к оригинальному казахскому тексту повести С. Бегалина, но и к её русскому переводу, выполненному Сатимжаном Санбаевым в 1976 году. Сопоставительный анализ подтвердил, что перевод является удачным и адекватно передает художественный замысел автора. С. Санбаев сумел сохранить эмоциональную выразительность, динамику повествования. Благодаря этому русскоязычный читатель получает возможность воспринимать мир детства Шокана столь же

живо и образно, как и в оригинале. Вместе с тем отметим, что казахский текст отличается большей детализацией (например, в перечне восточных авторов и названий произведений), тогда как перевод в ряде случаев сглаживает эти перечисления ради большей плавности восприятия. Однако это не снижает ценности перевода, а скорее демонстрирует адаптационную стратегию переводчика, стремившегося сделать текст максимально доступным для русскоязычного читателя, сохранив при этом его художественный тон и эмоциональную окраску.

ОБСУЖДЕНИЕ

1. Повествовательная перспектива

Проблема художественного изображения детства занимает особое место в исследованиях, посвященных детской литературе, поскольку «мир детства» является не только возрастным этапом биографии героя, но и специфическим художественным феноменом.

Ученые Б.В. Кондаков и Т.Д. Попкова под *миром детства* подразумевают «созданную писателем художественную реальность, увиденную с точки зрения (позиции) ребенка» [13, 138]. Иными словами, речь идет не просто о воспроизведении фактов биографии или бытовых обстоятельств, а о создании особого художественного пространства, в котором действительность преломляется через призму детского восприятия.

Особенность «мира детства» в произведении Сапаргали Бегалина, на наш взгляд, заключается в том, что автор соединяет две перспективы: внутреннюю – взгляд самого ребенка и внешнюю – авторскую позицию, которая организует и интерпретирует этот взгляд. Так, мир маленького Шокана показан автором через его эмоциональные реакции, которые проявляются как в речи (диалогах), так и авторских ремарках.

Например, он радуется простым вещам, таким как глиняные фигурки, которые делает его друг Мысык:

– *Өй, өзің қандай шеберсің. Жүр менімен ...* [2, 7].

– *Знаешь, Мысык, ты настоящий мастер. Скорей едем к нам...* [3, 14].

Кроме того, для Чокана-ребенка характерно обостренное восприятие эпоса, исполняемого акыном:

Ақын кейде баяулата, кейде көтеріле соқтыра, әрбір уақиға тұсына кіргенде өлең ырғағына тербетілгендей дөңгеленеді. Қозыкенің Баянды іздеп тазша бала болып келетін, Баянның алдынан шығатын жерін сондай бір нәзік дыбыспен жан сезіміне беріле аңыратты. Осы бір жеріне келгенде Шоқан² ақын әуеніне еріп, бір назды қоңыр дыбыс шығарғандай болды.

– Апеке, айта түссінші, *қызық екен. Қандай жақсы айтады*, – деді.

В переводе на русский язык С. Санбаев передал таким образом:

Что-то пьянящее, теплое родилось в груди мальчика, и он принялся вторить акыну. Ему казалось, что это не Козы, а он сам, Чокан, переодевшись пастухом и погоняя овец, идет на свидание <...>

– *Ой, апа!* – взмолился Чокан. – *Пусть он поет! Так интересно...* [3, 21].

В сцене охоты автор через описание поведения мальчика, его эмоциональности подчеркивает тонкую душевную организацию ребенка:

² Здесь и далее в цитатах имя главного героя будет передано в авторской транскрипции: в казахской версии – Шоқан, в переводе на русском языке – Чокан.

Шоқан да қыраншылар тобының ортасында ересектермен бірге отырғандай, таңғы тыныштықтағы әрбір дыбысты құмарта тыңдап, өзін соларға ортақ сезінді. Бұрын жазғы қыстауларда ит жүгіртіп, қырғауылға, қоянға құс салғанын көргені болмаса, қыстың алғашқы сонарында бүркітпен аңға шығу – мүлде бөлек еді. Аңшылықтың алғашқы қызуы басылған соң, әркім бір-біріне көз тастап, өздерінің жаңа күйін аңғарғандай болды. Бұл Шоқан үшін де тың әсер еді, ол да сол жаңа дүниені жүрегімен қабылдады [2, 32].

<...>

С возрастающим любопытством и изумлением ловил Чокан звуки утра и все больше чувствовал свою общность со взрослыми. Всех их захлестнул охотничий азарт, а теперь он схлынул, и люди оглядываются, начинают видеть друг друга и себя. Это было так ново! И мальчик постигал это новое [3, 36].

Именно в этом двоичном ракурсе возникает особая ценность художественного образа Шокана-ребенка: он оказывается одновременно достоверным (как отражение реальных возрастных особенностей) и идеализированным (как проекция авторских нравственно-психологических представлений).

Говоря о способах повествовательной стратегии в произведении, где центральной фигурой выступает историческая личность, чья судьба перед читателями раскрывается в биографической хроникальности, нужно понимать, что у автора может быть два пути: повествование от первого лица или от третьего. Как отмечает Н. Николина, у обоих способов есть как достоинства, так и недостатки. По мнению исследователя, «рассказ от третьего лица может обеспечить свободу повествования взрослому и всеведущему повествователю, однако особый детский голос будет потерян. Логично предположить, что повествование от лица персонажа-ребенка будет казаться более правдоподобным, создавать ощущение непосредственного проникновения в детское сознание. Однако это не означает, что только такое повествование может позволить автору воссоздать детское мировосприятие» [14, 1438].

Примечательно, что в повести нарратив первой части формально ведется в третьем лице, но в центре оказывается детский мир главного героя: через его эмоции, вопросы и наблюдения читатель погружается в события глазами ребёнка.

Например, в ситуации, когда мать заступилась за младшего брата, автор помогает «услышать» внутренние переживания Шокана:

Вечно одно и то же! Ну хорошо, Жакын еще мал и глуп. Но мать. Почему она не хочет понять меня? Разве этот верблюд был плох? ... [3, 26].

Интересно, что к такому приему автор прибегает и в случае с другим детским персонажем – Мысыком. Например, в эпизоде, когда ему дарят ситец, чтобы сшили рубашку:

Мама у меня есть, – хотелось сказать Мысыку, но он не посмел. – Хорошая мама, добрая... Только ситцу вот нет, и муки нет, и сахару... Поэтому она и плачет, когда я выпускаю теленка... [3, 34].

Как видим, использование приема повествования от третьего лица не лишает текст «детской оптики». С. Бегалин сознательно вводит элементы, позволяющие почувствовать внутренний взгляд ребенка (как Шокана, так и Мысыка). Это проявляется в эмоционально окрашенных описаниях природы, в передаче детских вопросов, недоумений, живой реакции на события, а также в том, как маленький герой воспринимает речь взрослых и реагирует на их поступки.

Особо следует отметить, что сюжет первой части повести выстраивается вокруг ключевых эпизодов становления личности (отношения в семье, первые впечатления от традиционного искусства, учеба, дружба с Мысыком), при этом события развиваются линейно, без сложных отступлений: это создает ощущение «живого течения жизни». На наш взгляд, выбор эпизодов для автора не случаен – каждая из них несет функцию «ступени» в духовном росте героя.

Так, например, автору важно показать юным читателям, как в сцене с Мысыком (мать Зейнеп несправедливо отчитывает мальчика-пастушка из-за его внешнего вида), несмотря на почтение к матери, Шокан способен критически отнестись к её поступку. С. Бегалин

подчеркивает важные черты характера будущего ученого – стремление мыслить не только «как принято», но исходя из внутреннего нравственного чувства. Обратим внимание, что в этом эпизоде автор ёмко и лаконично описывает реакцию мальчика и ответное поведение матери:

– *Әжеке, мына Мысыққа бауырсақ беріңізші, – деп, Шоқан шешесіне өтінішті ерке тілек айтты.*

– *Әй, Қанипа, ана балаға бауырсақ әперші, отырғызып қымыз бер. Шоқанжан ертіп келіпті зой, – деп, сары бәйбіше бағанағыдай емес, Шоқанның ыңғайына иіліп, жұмсақ сөйледі [2, 16].*

Этот фрагмент в переводе на русском языке:

– *Ана, угостите моего гостя лепешками.*

Тон его был по-прежнему почтительным, однако появилась в нем какая-то иная интонация: что-то твердое, несгибаемое звучало в этих простых словах.

Оттого ли, что мать уловила перемену в настроении сына, или на нее подействовало присутствие мужа, но она вдруг подобрела [3, 16].

Интересен, на наш взгляд, и эпизод перед отъездом к бабушке Айганым, когда Шоқан решает заехать к Мысыку.

– *Сен, жалғыз қайда бара жатырсың? – деп бөліне жүру себебін сұрады.*

– *Атеке, кеше Мысыққа, әлгі мүсінші балаға, келем деп уәде бергем, соған барам.*

– *Кейін-ақ бармайсың ба, ол бір жаққа кетіп қалар деп пе едің? – деген әке сөзіне:*

– *Уәде айтып, артынан алдасам ұят болады зой. Бұдан былай ол менің сөзіме сенбейді зой, – деді.*

Шыңғыс Шоқанға ойлана қарады да:

– *Ә, жарайды, бар. Екі айтпаған жақсы, – деді. Шыңғыстың өңінде баласына іштей разыланған ажар бар еді.*

– *Төре баланың мына қылығы қандай жақсы тәртіп. Өтірік айтып алдасам, ендігіде сенбейді зой дейді. Болар бала... деген-ау, – деп Арыстан бөліне жөнелген Шоқанға сыртынан сүйсіне ықылас білдірді [2, 19].*

В переводе С. Санбаева этот эпизод передан следующим образом:

– *Куда, куда один? – окликнул его отец.*

– *Обещал заехать к Мысыку.*

– *Разве нельзя сделать это позже?*

– *Я дал слово, ата. Если обману, Мысык перестанет мне верить.*

Отец понял его досаду, согласился:

– *Хорошо, поезжай, только не долго задерживайся.*

Чокан повернул коня.

– *Хороший мальчик! – Акын проводил Чокана ласковым взглядом. – Ишь как рассуждает – слово свое высоко ставит. Молодец! [3, 26].*

Как видим, для героя обещание, данное другу, оказывается важнее светского ритуала сопровождения султана. Это демонстрирует раннее формирование у ребенка чувства ответственности за собственные слова и поступки. Примечательно, что автор, показывая в этой сцене конфликт «детского» и «взрослого» мира, через реакцию и поведение отца демонстрирует доверие к сыну и признание его самостоятельности.

И, безусловно, в этой сцене мы явственно видим авторскую оценку. Так, комментарий акына («*Өтірік айтып алдасам, ендігіде сенбейді зой дейді. Болар бала... деген-ау / Хороший мальчик! ... слово своё высоко ставит*») служит авторской ремаркой, закрепляющей оценку поступка мальчика. Через реплику второстепенного персонажа Сапаргали Бегалин формирует для читателя образ ребенка, у которого в основе характера лежит честность и нравственная

сила. В этом нам видится проявление традиция детской биографической повести XX века – сделать героя примером для юных читателей.

Как известно, основой раскрытия характеров персонажей являются диалоги и монологи. В повести С. Бегалина элементы внутреннего монолога используются для передачи восприятия мира маленьким героем. Так, например, Шокан часто реагирует на события и рассказы взрослых через вопросы к самому себе – «почему?», «как это возможно?». Эти вопросы передаются либо в прямой форме (как внутренний монолог), либо через косвенную речь автора. Они демонстрируют жажду знаний и детскую наивность одновременно: Чокан не просто наблюдает, но пытается осмыслить явления.

Как показал анализ материала, часто С. Бегалин использует несобственно-прямую речь: события описаны автором, но язык, интонации и оценки принадлежат Шокану. Например, степь для героя «поет», горы кажутся «живыми», а звезды – «таинственными». Это прием, когда мысли ребенка поданы не напрямую, а через авторский нарратив, но с сохранением его детского взгляда.

Вместе с тем сам по себе выбор повествовательной перспективы еще не гарантирует передачи детского мировосприятия. Для того чтобы читатель ощутил, что перед ним не просто биографический нарратив, а живой мир глазами ребенка, автор использует целый комплекс художественных и языковых средств.

2. Языковые средства создания эффекта детского мировидения

Портретная характеристика Шокана становится важным средством создания эффекта детского мировосприятия.

Как показал анализ, С. Бегалин использует поведенческую деталь (взгляд, внимательность, молчаливое слушание), чтобы показать духовную чуткость Шокана. Так, например, в эпизоде встречи с акыном характер юного героя раскрывается не его действиями, а тем, как он реагирует на искусство.

Эмоциональная открытость и впечатлительность Шокана раскрываются в следующих описаниях: «*Шоқан ақын қимылына қадағалай қарайды*» [2, 12] («*Чокан ловил каждое движение гостя*» [3, 18]); «*Шоқан үнсіз тыңдап, жыр толқынына берілгендей ақынның әр сөзіне ұйып аңырап қарайды*» [2, 20].

Автор показывает, что Шокан не просто слушатель: он настолько проникается ритмом и интонацией поэта, что его душа откликается звуком. Это художественный прием, подчеркивающий внутреннее слияние с искусством: «*Ақын кейде баяулата, кейде көтеріле соқтыра, әрбір уақиға тұсына кіргенде өлең ырғағына тербетілгендей дөңгеленеді. ... Осы бір жеріне келгенде Шоқан ақын әуеніне еріп, бір назды қоңыр дыбыс шығарғандай болды*» [2, 11]. Переводчик передает этот момент следующим образом: «*Слова поэмы слагались в дивный узор. Поначалу Чокан даже повторял их следом за певцом...*» [3, 20].

Эмоциональная восприимчивость Чокана также выражена через метафорическое описание его реакции на музыку: «*Чарующие звуки окружили Чокана, подняли, понесли в сказочный мир*» [3, 21]. Здесь метафора создает образ его полного погружения в искусство, подчеркивая его способность воспринимать культуру на чувственном уровне. Это не просто поверхностное восприятие, а глубокое эмоциональное переживание, свидетельствующее о его художественной одаренности и склонности к эстетическому осмыслению окружающей действительности.

Еще одним важным элементом портретной характеристики является сцена чтения дастана: «*Салмақпен асықпай, байыпты оқып, әрбір бөлімдерін орнымен баяндап бергеніне сыншыл да есті әже соншалық разы болып батасын берді*» [3, 24]; «*Чокан читал длинный дастан важно, неспешно, с достоинством профессионального сказителя*» [3, 30].

Эпитеты «*салмақпен асықпай, байыпты оқып*» / «*важно, неспешно, с достоинством*» передают его уверенность и уважение к традициям. Автор (и, как видим, переводчик тоже) сознательно сравнивает его с профессиональным сказителем, подчеркивая не только его умение красиво излагать текст, но и внутреннюю зрелость, осознание своей роли в передаче

культурного наследия. Шокан не просто воспринимает знания, но и уже в юном возрасте способен их передавать, что является важным признаком лидерских качеств и глубокого понимания традиций своего народа.

В сцене охоты Шокан предстает как человек, способный контролировать свои эмоции, даже находясь в сильном волнении: «*Дүбірден әлі айықпаған Шоқан көзін ғана оттай жалт қақтырып, әкесінің ауыр сөзін естуге іштей әзірленгендей*» [2, 33]. На русском языке: «*Разгоряченный Чокан лишь посверкивал глазами да молчал, готовясь выслушать вопреки отца*» [3, 38].

Он не спорит и не оправдывается, а готовится достойно принять слова отца, что говорит о его уважении к старшим и осознании последствий своих поступков. Выражение «*посверкивал глазами*» показывает его внутреннее напряжение, силу духа и стремление сдерживать свои чувства.

Важную роль в репрезентации образа играет и *речевая характеристика персонажа*. Речь героя является важным элементом его образа, отражая его мировоззрение, внутренние качества и отношение к окружающим. В повести Сапаргали Бегалина речь Шокана Уәлиханова подчеркивает его честность, ответственность, зрелость и осознание важности данных обещаний. Для раскрытия указанных характерных черт персонажа писатель обращается к различным изобразительно-выразительным средствам (эпитеты и сравнения). Например, в эпизоде прощания с Мысыком сравнение *үлкен кісіше / как взрослый* показывает, что Шокан осознает важность момента:

– *Біздің ауыл қыстауға көшеді. Сен осында қаласың ғой, енді аман бол, – деп Шоқан Мысыққа үлкен кісіше қош айтты* [3, 28].

В переводе на русский язык:

– *Завтра мы уезжаем. Будь здоров, Мысык, – степенно, как взрослый, сказал на прощанье Чокан* [3, 34].

Ситуация прощания традиционно связана с эмоциональностью и детской непосредственностью, но здесь автору важно показать, что ребенок выходит за пределы своего «естественного» детского поведения. Контраст между ожиданием детской реакции и фактическим «взрослым» поведением усиливает впечатление.

Обращения и названия (как его называют другие) героя играют важную роль в его характеристике, формируя определённый образ в сознании читателя. В данном случае они подчеркивают статус, происхождение, возраст персонажа и отношение к нему окружающих.

Например, обращения *төре баласы / сын тюре, Сұлтан Шыңғыстың тағдырлы мұрагері / наследник султана Чингиса, Хан Уәлидің немересі / внук хана Вали* акцентируют внимание на его знатном происхождении, а также на высокой ответственности, возложенной на него по праву рождения. Эти обращения не только подчеркивают его родовую принадлежность, но и создают образ человека, наделенного определёнными ожиданиями и обязанностями.

Выражение *кішкене төре* (в переводе у С. Санбаева несколько вариантов: *молодой тюре, маленький тюре* и *юный тюре*) подчеркивает его возрастную незрелость, возможно, указывая на его неопытность или необходимость расти, чтобы соответствовать своей роли. Они создают образ наследника, которому еще предстоит стать настоящим правителем.

В свою очередь, обращение отца или бабушки Айғаным отражает заботливое отношение к герою: «*Шоқанжан, ана бір балшықтарың не? – деп, әкесі қалыпты мейірбан лебізімен Шоқанға тіл қатты*» [2, 9]. Суффикс «-жан» в тюркских языках используется для выражения ласки и привязанности, что говорит о близости и заботе со стороны говорящего.

3. Интертекстуальные элементы и историзм

Еще одним из приемов создания детского мировосприятия, обнаруженный нами в произведении С. Бегалина, является использование отдельных художественных деталей. Как показал анализ, личный вещный мир ребенка не занимает центрального места: у Шокана нет «игрушек» или личных предметов, которые становились бы основой характеристики. Вместо

этого автор акцентирует внимание на вербальном и ценностном пространстве детства – на том, что и как мальчик слышит, воспринимает и усваивает от мира взрослых.

Так, юный герой остро реагирует на рассказы взрослых, на народные предания и беседы в кругу семьи. Это именно те «культурные тексты», которые замещают для него роль игрушек и детских предметов. Например, эпизод знакомства Шокана с древней рукописью ярко показывает детскую жажду знания:

И вот, вскоре после того, как в ауле побывал акын Арстан, султан Чингис вновь раскрыл «Сундук песен». Подсевший к нему Чокан перебирал тетради, глядялся в затейливое кружево арабской вязи, и вдруг в ушах у него зазвенел родной казахский напев.

– Да ведь это... Это же на нашем языке! – воскликнул он. – Казахская песня, только арабскими буквами писана ...

– Да, сын мой, это казахская поэма, дастан «Ер-Кокше». В ней акын славит древнего героя, сложившего голову ради счастья своего народа.

– Ата, прошу вас, позвольте мне прочесть!

– Ну что ж, читай. Только будь осторожен, не помни и не испачкай рукопись. Я приготовил ее для отправки в Петербург. Нынче там появились люди, которых интересуют наши песни.

Так Чокан получил доступ к «Сундуку песен». Много прочел он в ту осень казахских сказок, старинных преданий и поэм.

А память, цепкая и острая, все возвращалась к песне Арстана... Строфу за строфой вспоминал Чокан поэму о Козы и Баян. А почему бы не записать ее? Почему бы не завести свою тетрадь? Пусть пока он помнит только отрывки, но ведь это – начало. Когда-нибудь и у него, Чокана, будет свой «Сундук песен» [3, 29].

Через эти «интертексты» создается собственная система ценностей ребенка – уважение к слову, интерес к истории народа, стремление к познанию мира.

Отметим, что сборник рукописей «Сундук песен» – это художественная трансформация исторического факта, который известен многим биографам Шокана Уалиханова из письма (февраль 1840 г.) пограничного начальника сибирских казахов М.В. Ладыженского султану Уалиханову (отец Шокана) Приведем отрывок:

...Препоручаю Вам сделать для меня собрание песен, сказок, преданий и пословиц киргизского народа, столь богатого этими произведениями. При собрании прошу Вас наблюдать следующее. Собираемые стихотворения в киргизском народе разделить по смыслу их на тетради, из которых в первую поместить песни, какого бы содержания они ни были, замечательные по замыслу и стихосложению, по древности языка или, наконец, по славе их в степи, означая, впрочем, в заглавии песен, к какому роду они принадлежат, т. е. свадебные, похоронные, любовные, колыбельные или исторические... [15, 16].

К этой работе Шынгыс Уалиханов активно вовлекал и своего сына, что подтверждается записью ими поэмы «Едиге» и других эпических текстов. Таким образом, достоверно, что собрание фольклора стало частью не только служебных обязанностей султана, но и семейной культурной традицией.

Важной особенностью авторского замысла, на наш взгляд, является то, что С. Бегалин последовательно расширяет художественное пространство повести – создается культурный фон детства Шокана, где устное наследие и классические произведения Востока формируют уникальную личность.

В первой части повести читатель ощущает атмосферу фольклора, в которую погружен мальчик с детства: он слушает акынов («*весь во власти услышанного*»), запоминает сказания и дастаны, знакомится с героями эпосов («*Ер-Таргын*», «*Козы Корпеш и Баян сулу*», «*Боз-жигит*»). Эти тексты выступают в роли «первой школы» его нравственного становления, эмоциональной основой восприятия мира.

В этой связи вопрос, который задает Шокан акыну после прочтения поэмы («*А мавзолей Козы и Баян высокий?*»), говорит о его глубоком сопереживании истории. Он хочет убедиться в значимости подвига Козы и Баян через материальный знак памяти – мавзолей. Ответ акына

представлен в виде гиперболы, народного преувеличения: «*Мен көргенім жоқ, бірақ көргендер айтқанда, сондай биік, етегінен басына қараған кісінің басынан тақиясы түседі*» [2, 22] (в переводе: «*Говорят, если поглядеть снизу на его купол, с головы тюбетейка свалится*» [3, 28]).

Фольклорные сказания и песни акынов были той средой, где формировались первые ценности и представления юного Чокана. Но этот живой мир устного слова постепенно подталкивал его к поиску новых форм познания. И следующим этапом стало обучение у муллы, где он получил возможность «перенести» услышанное в сферу письменного текста, научиться читать и писать, а вместе с тем открыть для себя восточную литературу. Этому периоду автор повести уделит особое внимание – он вводит в число второстепенных персонажей учителя Аубакира, который обучал навыкам чтения, письма, знакомил с арабской, персидской и чагатайской литературой

Примечательно, что в русскоязычной версии повести переводчик делает упущение, не дает детального описания круга чтения юного Чокана, тогда как в оригинале читаем следующее:

Шығыстың атақты ақындары Әбілқасым Фердоусидың «Шаһнамасын», Жәмидің, Омар Һаямның рубаяттарын, Науаидың дастанын, Азербайжан ақындары Низами, Ғанжауи, Ғзулилардың шығармаларымен таныстырды. Шоқанның өте-мөте қызыға оқығаны Ләйлі – Мәжнүн жыры, Һаямның рубаяттары болды. Әсіресе Омар Һаямның іслам діні жөніндегі жансыз сопылық, жалған мүлгушілікке қарсы жазылған өткір қияли рубаяттарын ұнататын [2, 24].

Упоминание текстов Фирдоуси, Хайяма, Навои, Низами, на наш взгляд, является не случайным украшением повествования, а способом подчеркнуть историческую достоверность (Шокан Уалиханов действительно читал эти произведения). Таким образом, С. Бегалин соединяет документальную достоверность с художественным вымыслом, создавая биографический портрет будущего ученого, а также художественную модель детства как культурного феномена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой части повести «Шокан асулары» («Чокан Валиханов») перед читателями раскрывается не просто биография, а живой образ мальчика, которого манят безграничная степь и далекие горизонты. С. Бегалин мастерски использует средства выразительности (сравнения, эпитеты, метафоры), чтобы передать дух времени и внутренний мир героя.

Повесть С. Бегалина представляет собой ценное художественное произведение, в котором образ главного героя раскрывается через различные литературные приёмы. Анализ портретной и речевой характеристики, системы обращений, а также сравнительное исследование оригинала и перевода позволяют глубже понять особенности репрезентации личности Шокана Уалиханова.

Результаты исследования подтверждают, что автор не только передает историческую достоверность, но и формирует многогранный образ героя, подчёркивая его ум, любознательность и внутренний рост. Перевод также сохраняет эти черты, что делает произведение доступным и понятным для широкой аудитории.

Изучение подобных произведений способствует развитию образного и критического мышления, аналитических навыков и способности воспринимать художественный текст в его многослойности. Это делает повесть не только литературным памятником, но и полезным инструментом в образовательном процессе. Произведение играет важную роль в воспитании подрастающего поколения, формируя у детей интерес к истории и культуре Казахстана, а также уважение к наследию великих личностей.

ИНФОРМАЦИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ

Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта [ИРН AP23486380] «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту» (по Программе грантового финансирования научных и научно-технических проектов на 2024–2026 годы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов. Монография. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 248 с.
- 2 Бегалин С. Шоқан асулары: повесть. – Алматы: Балауса, 1996. – 208 б.
- 3 Бегалин С. Чокан Валиханов. Повесть. Перевод с казахского. – М.: Детская литература, 1976. – 173 с.
- 4 Султаньяев О.А. Слово в контексте (по материалам произведений Чокана Валиханова). – Кокшетау, 2001. – 214 с.
- 5 Айдарова Х. Чокан Валиханов. – Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945. – 197 с.
- 6 Ақыш Н.Б. С. Бегалин шығармаларындағы көркемдік таным үрдісі // «Керуен». – 2022. Том 77. № 4. – С. 40-50. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-03>
- 7 Ибрайханова А.Қ. Сапарғали Бегалин поэмаларындағы ертегі, аңыздар ізі // Вестник Евразийского гуманитарного института. – 2024. № 1. – 143-156 б. DOI: <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2024-1.11>
- 8 Zornado J. L. *Inventing the Child: Culture, Ideology and the Story of the Child*. – New York: Garland Publishing, 2001. – 235 p.
- 9 Froud M. *The Lost Child in Literature and Culture* / M. Froud. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 198 p.
- 10 Foster K. *Chinese Literature and the Child: Children and Childhood in Late-Twentieth-Century Chinese Fiction*. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 251 p.
- 11 Dinter S. *The Child Narrator in Contemporary British Fiction and Literary Criticism. The Case of Stephen Kelman's Pigeon English* // *Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary Britain Literature, Media and Society* / ed. by S. Dinter and R. Schneider. – New York: Routledge, 2018. – P. 50–66.
- 12 Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karei poláček's *bylo nás pět* // *Scando-Slavica*. 1983. Vol 29, Issue 1. P. 5–19.
- 13 Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №4. С.130-143 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyu-mir-literatury-i-fenomen-detskogo-mirosoznaniya-statya-pervaya> (дата обращения: 30.04.2025).
- 14 Николина Н.Н. Стилизация детского мировосприятия и речи персонажа в повествовании от третьего лица // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2023. №6. С.1438-1442. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilizatsiya-detskogo-mirovospriyatiya-i-rechi-personazha-v-rovostvovani-ot-tretiego-litsa> (дата обращения: 30.04.2025).
- 15 Бейсенбайулы Ж. Детство и кадетские годы Чокана // Простор. 2011. №11. С.3-56. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2015/2015-11/11---2015---1.pdf>

Материал поступил в редакцию журнала 05.07.2025

Балалар әдебиетіндегі Шоқан Уәлихановтың көркемдік бейнесі (Сапарғали Бегалиннің повесі негізінде)

Д.Б. Аманжолова¹, А.Т. Каиржанова², Е.А. Юрина³

¹Astana IT University, Астана, 010000, Қазақстан

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, 050040, Қазақстан

³ А.С. Пушкин атындағы мемлекеттік орыс тілі институты, Мәскеу, 117485, Ресей

Мақала Сапарғали Бегалиннің повесі негізінде балалар әдебиетіндегі Шоқан Уәлихановтың көркем бейнесінің ерекшеліктеріне арналған. Бегалинге арналған зерттеулердің басым көпшілігі оның балалар әдебиетінің дамуына қосқан үлесін қарастырады, бірақ кейіпкерлерінің персонологиясы туралы мәселе әлі күнге дейін өзекті болып қала береді.

Мақаланың мақсаты – Шоқанның бала кездегі бейнесін қалыптастыратын оның балалық дүниетанымы қалыптасатын тілдік құралдарды талдау, бұл осы повестегі және жалпы балалар әдебиетіндегі баланың бейнесін бейнелеуде басты орын алады. Зерттеу аясында нарратологиялық талдау, лингвостилистикалық талдау, мәтінді талдауға герменевтикалық тәсіл қолданылады. Кейіпкердің тілдік және портреттік сипаттамаларына, оған айтылған қаратпа сөздерге, сондай-ақ интермәтіндік элементтерге ерекше назар аударылады.

Бұл мәтінді негізгі мектептегі сабақтарда қолданудың маңыздылығы атап өтіледі. Шоқан Уәлихановтың тұлғасын балалар мен жасөспірімдер арасында дәріптеудегі Бегалиннің әдеби мұрасының маңыздылығы туралы қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: Шоқан Уәлиханов, балалар әдебиеті, Сапарғали Бегалин, көркем образ, балалардың дүниетанымы.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 Октябрьская О.С. 1920-50 жылдардағы орыс балалар әдебиетіндегі жанрлық жүйенің қалыптасуы мен дамуы. Монография. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 248 б.
- 2 Бегалин С. Шоқан асулары: повесть. – Алматы: Балауса, 1996. – 208 б.
- 3 Бегалин С. Шоқан Уәлиханов. Повесть. Қазақ тілінен аударма. – М.: Детская литература, 1976. – 173 б.
- 4 Султаньяев О.А. Сөз контексте (Шоқан Уәлиханов шығармаларының материалдары бойынша). – Кокшетау, 2001. – 214 с.
- 5 Айдарова Х. Шоқан Уәлиханов. – Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945. – 197 б.
- 6 Ақыш Н.Б. С. Бегалин шығармаларындағы көркемдік таным үрдісі // «Керуен». – 2022. Том 77. № 4. – С. 40-50. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-03>
- 7 Ибрайханова А.Қ. Сапарғали Бегалин поэмаларындағы ертегі, аңыздар ізі // Еуразия гуманитарлық институтының хабаршысы. – 2024. № 1. – 143-156 б. DOI: <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2024-1.11>
- 8 Zornado J. L. Inventing the Child: Culture, Ideology and the Story of the Child. – New York: Garland Publishing, 2001. – 235 p.
- 9 Froud M. The Lost Child in Literature and Culture / M. Froud. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 198 p.
- 10 Foster K. Chinese Literature and the Child: Children and Childhood in Late-Twentieth-Century Chinese Fiction. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 251 p.
- 11 Dinter S. The Child Narrator in Contemporary British Fiction and Literary Criticism. The Case of Stephen Kelman's Pigeon English // Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary Britain Literature, Media and Society / ed. by S. Dinter and R. Schneider. – New York: Routledge, 2018. – P. 50–66.
- 12 Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karei poláček's bylo nás pět // Scando-Slavica. 1983. Vol 29, Issue 1. P. 5–19.

13 Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Әдебиеттің көркем әлемі және балалар дүниетанымының құбылысы бірінші мақала // Пермь университетінің хабаршысы. Орыс және шетелдік филология. 2011. №4. 130-143 б. [Электрондық ресурс]. Кіру режимі: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyu-mir-literatury-i-fenomen-detskogo-mirosoznaniya-statya-pervaya> (жүгінген күні: 30.04.2025).

14 Николина Н.Н. Балалардың дүниетанымын және кейіпкердің үшінші тұлғаның әңгімесіндегі сөйлеуін сәндеу // Удмурт университетінің хабаршысы. Тарих және филология сериясы. 2023. №6. 1438-1442 б. [Электрондық ресурс]. Кіру режимі: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilizatsiya-detskogo-mirovospriyatiya-i-rechi-personazha-v-rovestvovanii-ot-tretiego-litsa> (жүгінген күні: 30.04.2025).

15 Бейсенбайұлы Ж. Шоқанның балалық шағы және кадет жылдары // Простор. 2011. №11. 3-56 б. [Электрондық ресурс]. Кіру режимі: <https://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2015/2015-11/11---2015---1.pdf>

Материал 05.07.2025 баспаға түсті

The artistic image of Shokan Ualikhanov in children's literature (based on the story by Sapargali Begalin)

J. Amanzholova¹, A. Kairzhanova², E. Yurina³

¹Astana IT University, Astana, 010000 Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, 050040 Republic of Kazakhstan

³Russian Language Institute named after A.S. Pushkin, Moscow, 117485, Russia

This article is devoted to the specifics of the artistic image of Shokan Ualikhanov in children's literature based on the story by Sapargali Begalin. The studies devoted to Begalin touch upon his contribution to the development of children's literature, but the question of the personology of his characters remains relevant.

The purpose of the article is to analyze the linguistic means by which Shokan's image is formed in his early years, his childish worldview, which occupies a central place in the representation of the child's image in this story and in children's literature in general. The research uses narratological analysis, linguistic stylistic analysis, and a hermeneutic approach to text analysis. Special attention is paid to the character's speech and portrait characteristics, appeals to him, as well as intertextual elements.

The importance of using this story in primary school lessons is emphasized. The conclusion is about the importance of Begalin's literary heritage in popularizing Shokan Ualikhanov's personality among children and adolescents.

Key words: Shokan Ualikhanov, children's literature, Sapargali Begalin, artistic image, children's worldview.

REFERENCES

- 1 Oktyabrskaya O.S. Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemi v russkoi detskoi literature 1920–50-kh godov. Monografiya. – M.: MAKS Press, 2016. – 248 s.
- 2 Begalin S. Шоқан асұлари: повест. – Алматы : Балауса, 1996. – 208 б.
- 3 Begalin S. Chokan Valikhanov. Povest. Perevod s kazakhskogo. – M.: Detskaya literatura, 1976. – 173 s.
- 4 Sultan'yaev O.A. Slovo v kontekste (po materialam proizvedenij CHokana Valihanova). – Kokshetau, 2001. – 214 s.
- 5 Ajarova H. CHokan Valihanov. – Alma-Ata: KazOGIZ, 1945. – 197 s.
- 6 Akysh N.B. Process hudozhestvennogo poznaniya v proizvedeniyah S. Begalina (na kaz.) // Nauchnyj zhurnal «Keruen» Instituta literatury i iskusstva im. M.O. Auezova. – 2022. Tom 77. № 4. – S. 40-50. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-03>

- 7 Ibrajhanova A. K. Motivy skazok i legend v poemah Sapargali Begalina (na kaz.) // Vestnik Evrazijskogo gumanitarnogo instituta. – 2024. № 1. – 143-156 b. <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2024-1.11>
- 8 Zornado J. L. Inventing the Child: Culture, Ideology and the Story of the Child. – New York: Garland Publishing, 2001. – 235 p.
- 9 Froud M. The Lost Child in Literature and Culture / M. Froud. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 198 p.
- 10 Foster K. Chinese Literature and the Child: Children and Childhood in Late-Twentieth-Century Chinese Fiction. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 251 p.
- 11 Dinter S. The Child Narrator in Contemporary British Fiction and Literary Criticism. The Case of Stephen Kelman’s Pigeon English // Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary Britain Literature, Media and Society / ed. by S. Dinter and R. Schneider. – New York: Routledge, 2018. – P. 50–66.
- 12 Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karei poláček's bylo nás pět // Scando-Slavica. 1983. Vol 29, Issue 1. P. 5–19.
- 13 Kondakov B.V., Popkova T.D. Khudozhestvennii mir literaturi i fenomen detskogo mirosoznaniya statya pervaya // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2011. №4. S.130-143 [Elektronii resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-literatury-i-fenomen-detskogo-mirosoznaniya-statya-pervaya> (data obrashcheniya: 30.04.2025).
- 14 Nikolina N.N. Stilizatsiya detskogo mirovospriyatiya i rechi personazha v povestvovanii ot tretiego litsa // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2023. №6. S.1438-1442. [Elektronii resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilizatsiya-detskogo-mirovospriyatiya-i-rechi-personazha-v-povestvovanii-ot-tretiego-litsa> (data obrashcheniya: 30.04.2025).
- 15 Beisenbaiuli Zh. Detstvo i kadetskie godi Chokana // Prostor. 2011. №11. S.3-56. [Elektronii resurs]. Rezhim dostupa: <https://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2015/2015-11/11---2015---1.pdf>

Received: 05.07.2025

IRSTI 17.01.11

DOI: [10.59102/kufil/2025/iss3pp179-192](https://doi.org/10.59102/kufil/2025/iss3pp179-192)

A. Assenova¹, Sh. Sapash¹

¹Ualikhanov University, Kokshetau, 020000, Kazakhstan

KAZAKH LITERATURE AT THE INTERSECTION OF CULTURES: HOW EASTERN AND WESTERN TRADITIONS HAVE INFLUENCED CONTEMPORARY WORKS

This article explores the hybridization of Kazakh literature at the intersection of Eastern spirituality and Western literary traditions, with a specific focus on the works of G. Belger, A. Nurpeisov, and M. Shakhanov. The study aims to identify how contemporary Kazakh writers integrate Sufi philosophy, oral narrative structures, and national values with postmodern Western techniques, including individualistic narration, metafiction, and fragmented composition. The research is grounded in postcolonial theory (Bhabha, Said, Spivak) and cultural hybridity (Ashcroft et al.), applying comparative literary analysis and qualitative content analysis to examine stylistic, thematic, and philosophical features. One of the key findings is the dynamic tension between the preservation of national identity and engagement with global cultural trends, demonstrated through symbolic imagery and evolving literary forms. The study also reveals the role of the Russian language as an intermediary in translation, influencing the global reception of Kazakh literature while raising